

«ДЕЛО МАРИАМСКОГО» В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ СЕРЕДИНЫ XVIII в.

© 2016 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г. Москва

Статья поступила в редакцию 05.02.2016

Статья посвящена эпизоду дипломатической истории России времён Елизаветы Петровны и свидетельствует о том, что даже самый незначительный дипломатический служащий мог оказаться в центре европейской политики. Неудачная попытка прусской разведки завербовать младшего сотрудника российского посольства в Вене в 1747 г. привела как к изменению кадровой политики российской дипломатии в отношении низших дипломатических служащих, так и к нескольким секретным экспедициям русских тайных агентов в Европу и даже к планам канцлера Бестужева-Рюмина предложить императрице Елизавете отменить автономию украинской Гетманщины.

Ключевые слова: российская дипломатия, тайные операции, Елизавета Петровна, А.П. Бестужев-Рюмин, Фридрих II.

В 2013 г. украинский исследователь П.А. Мацюта опубликовал статью, основанную на материалах, изданных в «Архиве князя Воронцова» о деле беглого студента Павла Мариамского, служившего в 40-х гг. XVIII в. канцеляристом и переводчиком в российской миссии в Вене и бежавшего оттуда из-за крупных долгов¹.

П.А. Мацюта интересовался в основном работой российской контрразведки в этом эпизоде дипломатической истории времён Елизаветы Петровны и использовал исключительно материалы «Архива князя Воронцова», где был опубликован экстракт, то есть краткое изложение сути произошедшего с российским сотрудником дипломатической миссии в Вене². Представляется важным осветить «Дело Мариамского» с привлечением материалов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ и найти возможные следы внимания прусской разведки к российскому дипломатическому служащему в документах прусского короля Фридриха II, который вникал во все перипетии работы своих дипломатов и тайных агентов и оставил большое эпистолярное наследие, опубликованное в 1879-1939 гг.³

15 мая 1745 г. среди прочих новостей из австрийской столицы российский посланник при австрийском дворе поляк Людовик Ланчинский сообщил в Петербург о том, что в Вену для обучения наукам прибыл российский подданный, уроженец Киева малороссиянин Павел Петрович Мариамский. В связи с тем, что секретарь посольства Степан Пучков неосторожным обращением с пистолетом серьёзно повредил ладонь выстрелом и писать не мог, Ланчинский стал использовать для секретарских дел Мариамского и просил одобрить такое его решение, разрешив посланнику привести киевлянина к присяге и назначить

ему жалованье в 300 рублей в год⁴. Напротив этих строк на полях реляции стоит знак NB (нотабене – особое внимание), поставленный, вероятно, канцлером графом А.П. Бестужевым-Рюминым. Это означало, что относительно принятия на дипломатическую службу Павла Мариамского следовало поговорить с императрицей.

5 марта следующего, 1746 г. Ланчинский получил рескрипт с разрешением официально взять Мариамского на службу⁵. Однако ещё до этого студент, оказавшись ловким малым, оказал услуги Ланчинскому, встречаясь с некоторыми австрийскими сербами, судьбой которых интересовались при русском дворе. В то время у Ланчинского в посольстве уже было три ученика, но Мариамский стал самым проворным, и по какой-то причине именно он обратил на себя внимание прусских разведчиков.

1 июля 1747 г. Ланчинский отправил в Петербург «крайне секретную» реляцию, в которой сообщил, что Павел Мариамский открылся ему, что находится в контакте с двумя прусскими шпионами. Одним из них был некий Бредау, выступающий под видом прусского купца, а вторым – Флиссинг, гофмейстер прусских посланников в Вене. Они под каким-то предлогом познакомились с Мариамским и пригласили его к себе в гости. Их в комнате было только трое, и там Бредау показал российскому студенту письмо прусского короля Фридриха II (по крайней мере, Бредау так заявил), по которому Мариамскому предлагалось 2000 гульденов, любая служба в Пруссии и «всякое удовольствие» в обмен на секреты российской миссии⁶.

Во время этих предложений Бредау его напарник Флиссинг стоял у окна и делал вид, что он занят разглядыванием уличных событий. Бредау продолжал вербовку, рассказав Мариамскому, что под видом купца он сопровождал австрийскую армию принца Карла Лотарингского (в то время

Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: anisimovm@list.ru

продолжалась война за Австрийское наследство 1740-1748 гг., в которой австрийцы воевали против пруссаков и французов) и отправлял всё известное ему своему королю. Прусских агентов интересовал русский дипломатический шифр, который они предлагали Мариамскому передать им. Студент ответил, что шифры находятся в постоянно запертом кабинете посланника Ланчинского, в ящике стола, также закрытого на ключ. С шифром работает только другой студент, Аким Барсуков (прибывший в Вену в мае 1746 г.⁷), и он же следит за его сохранностью. Бредау тогда дал Мариамскому «воровские ключи», или «крючки»⁸, то есть отмычки, и показал, как нужно ими пользоваться, принеся студенту свой ларец. Отмычки Мариамский тоже передал Ланчинскому.

Российский посланник тут же отправился к австрийскому канцлеру графу Корфицу Антону фон Ульфельду и, показав отмычки, рассказал о словах Мариамского, добавив, что второй из шпионов, Флиссинг, собрался уехать в Венгрию, но куда и зачем, Мариамский не знал. Ульфельд ответил, что Бредау и Флиссинг ему известны, и они занимаются тем, что сообщают прусскому посланнику в Вене графу Отто Кристофу фон Подевильсу разные пустые сведения.

Австрийский канцлер был прав – фактически о том же своему посланнику Подевильсу писал прусский король Фридрих II, ещё 5 декабря 1746 г. предупреждая его перепроверять все сведения, сообщаемые ему Бредау, так как в Пруссии проводили расследование по сообщениям Бредау о заговоре в городе Бреслау и все обвинённые им в итоге были оправданы⁹.

9 декабря того же года Фридрих II снова писал Подевильсу о Бредау, на этот раз уже предполагая, что венский двор намеренно отправил этого человека к Подевильсу для рассеивания дезинформации, но призывая посланника пока не разрывать с ним¹⁰.

Подозрения Фридриха II, кажется, действительно имели под собой почву, о чем говорит спокойная уверенность канцлера Ульфельда в безопасности Бредау для Австрии в разговоре с Ланчинским. Впрочем, скорее всего, беспринципный Бредау просто пытался работать на все стороны.

Агент был дискредитирован в глазах самого короля, и неудивительно, что 5 июня 1747 г. Фридрих II уже прямо назвал и Бредау, и Мариамского, о вербовке которого ему сообщил посланник Подевильс, «всего лишь отъявленными мошенниками (franc-coquins)»¹¹.

Мариамский со своей стороны сообщил Ланчинскому, что принимал у себя с ответным обедом Флиссинга и Бредау и последний просил познакомить его со студентом Барсуковым, ответственным за дипломатический шифр. Во время прогулки студентов Мариамский познакомил Бредау с Барсуковым и третьим студентом русской миссии Прокофием Шишкарёвым.

Ланчинский запросил инструкций из Петербурга, что ему предпринимать в этом случае, пока же предписав Мариамскому уклоняться от встреч с Бредау.

Судя по всему Мариамский не смог или не стал избегать встреч со шпионом, так как ещё до получения ответа из Петербурга Ланчинский отправил новую реляцию с переданными ему Мариамским словами Бредау. Шпион утверждал, что в Петербурге у пруссаков тоже есть агент, действующий под видом купца Иоганна Антона Бранденштайна, внешне невзрачный, маленький и кривоногий. У этого шпиона есть и напарник, но кто он, Бредау не знал. Самого Мариамского Бредау уговаривал перевести на русский язык то, что он ему расскажет, и оформить всё это в виде реляции Ланчинского, а он отправит такое письмо к прусскому королю. Мариамский в ответ заявил, что он послушает в миссии, о чём говорит посланник Ланчинский, и сообщит это Бредау для большей достоверности его фальшивого письма. Из этой истории, рассказанной ему Мариамским, Ланчинский сделал правильный вывод, что Бредау – всего лишь мошенник, которого интересуют только деньги¹².

Судя по всему и Мариамский не сообщал Ланчинскому всю правду – он, хотя и не передавал настоящие секреты русского посольства, тем не менее вместе с Бредау всё же подготовил фальшивки, так как 7 июля 1747 г. Фридрих II сообщил посланнику в Вене Подевильсу, что сведения, переданные тому Мариамским, кажутся ему ложными и он считает, что он в сговоре с Бредау по подаче дезинформации¹³.

Поддельное письмо, о котором говорил Бредау с Мариамским, тоже было написано студентом и сразу же отослано в Берлин. 18 июля Фридрих II, познакомившись с письмом, якобы посланным Ланчинским канцлеру Бестужеву-Рюмину и переписанным Мариамским, ответил Подевильсу, что тот теперь должен сам убедиться, что Мариамский и Бредау – засланные изменники, цель которых – фальшивками заставить прусскую дипломатию предпринять неверные шаги¹⁴.

29 июля Фридрих II сообщил Подевильсу, что Бредау – очень опасный человек и шпион австрийского канцлера графа Ульфельда (он подозревал Бредау в выманивании у секретаря Подевильса его дипломатического шифра), о Мариамском же сообщил буквально следующее: «Я вам больше не буду говорить о Мариамском (так в тексте. – М.А.), который достаточно развился, чтобы быть отъявленным мошенником»¹⁵.

31 июля (11 августа) 1747 г. из Петербурга был отправлен рескрипт относительно попытки завладеть российским шифром и вербовки Мариамского. В основе рескрипта были идеи канцлера, да и составил его он, вероятно, лично. Предосторожности Ланчинского об отдалении студента от секретов были одобрены. Относительно кон-

тактов Мариамского и Барсукова с прусскими шпионами Ланчинскому было велено сообщить студентам о необходимости продолжения их встреч. Мариамский должен был согласиться за те самые предложенные ему 2 тысячи гульденов продать шифр Ланчинского, которому следовало дать студенту для этого ложную цифирь. Для большей убедительности нужно было дать Бредау только половину шифра, а вторую – только тогда, когда тот убедится в её истинности. Ланчинскому со своей стороны следовало поставить в известность австрийского канцлера Ульфельда, который должен был распорядиться арестовать Бредау с поличным в момент получения российского шифра¹⁶.

Из этой затеи ничего не вышло. 2 сентября того же года Ланчинский сообщил, что Мариамский тяжело заболел, а Бредау, за которым следили австрийцы, уехал из страны. Обрато он уже не вернулся, как считал Ланчинский, потому что прусский посланник в Вене граф Подевильс предписал задержать его¹⁷. Впрочем, как мы видели, его раскусил сам Фридрих II, и он же отказал в доверии всем сведениям студента Мариамского.

Сам Мариамский в конце 1747 г. обратился к российским властям с прошением, в котором указал, что из-за болезни головы и необходимости лечиться нажил большие долги, 225 гульденов и 45 крейцеров¹⁸, чуть менее половины годового жалованья (2 гульдена составляли тогда 1 талер, примерно равный рублю), и просил войти в его положение. Ответа на прошение не последовало, и Мариамский сбежал из русской миссии в неизвестном направлении.

Ланчинский смог только узнать, что без его ведома Мариамский в Вене женился и ложно назвал себя украинцем, будучи по рождению сербом.

В связи с тем, что после авантюры Бредау Ланчинский не доверял Мариамскому и отстранил его от всех секретных дел, особого ущерба от его бегства и возможной продажи им секретов иностранцам не было, Ланчинский клялся, что никаких секретов его беглый подчинённый из посольства не унёс¹⁹, но тем не менее Ланчинский получил закономерный выговор за принятие на службу такого человека.

Мариамский дал о себе знать русским дипломатам в 1751 г., когда секретарь российского посольства в Варшаве Иоганн (Ян) Ржичевский получил письмо на имя Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, посланника в Дрездене при польско-саксонском дворе, к тому времени уже переведённого послом в Вену. Мариамский писал из Львова, что он с момента бегства из Вены сменил много имён, просит простить его и вернуть на русскую службу, отмечая, что французский резидент в Варшаве Луи-Адриан Дюперрон де Кастера уже предложил ему перейти к французам за 800 ливров в год, и беглец был готов рассказать о французских интригах. Ржичевский 4 (15) июля

1751 г. сообщил обо всём в Петербург, 7 (18) июля добавил сведения Мариамского о раскрытых им антиавстрийских и антироссийских интригах²⁰ и получил распоряжение призвать беглеца к себе, обещая именем Елизаветы Петровны полное прощение в случае возвращения в Россию. Мариамский прибыл в Варшаву, и Ржичевский отправил его в Петербург морем через Гданьск.

Мариамский прибыл в российскую столицу, написал объяснительную, но его было решено арестовать и поместить в «особливой палате» при Коллегии иностранных дел. Связано это было и с тем, что объяснительная Мариамского была не совсем понятна, требовалось ответить на новые вопросы, кроме того, Ржичевский переслал вслед Мариамскому три письма, написанных французским маршалом графом У.В.Ф. фон Лёвендалем Мариамскому на имя майора Розенталя, кем ему представился Мариамский, призывая того срочно прибыть к нему в Гамбург.

В Коллегии иностранных дел составили список вопросов, на которые должен был ответить бывший студент.

Мариамский показал, что он родом серб, с 10 лет проживал в России, в Харькове, у своего дяди, архиепископа Белгородского (Белгородского) Петра. Архиепископ действительно был серб, живший в России с 1709 г., фамилия его была Смелич (вариант – Сумилявич), он управлял Белгородской епархией в 1736-1742 гг. и известен тем, что в Харькове стал приглашать для Харьковского коллегіума (крупного учебного заведения, второго на Украине после Киево-Могилянской академии) иностранных преподавателей, введя в состав предметов математику, немецкий и французский языки, и вообще много сделал для школьного образования в крае. У дяди Мариамский и обучался наукам. Петр Смелич был уволен на покой в 1742 г. по обвинению в продаже священникам грамот на поставление в сан и скончался 27 ноября 1744 г.²¹

Вероятно, именно смерть патрона-дяди подвигла Мариамского покинуть Россию и отправиться на родину в австрийские владения, где, выдав себя за украинца, он устроился работать на посланника Ланчинского.

После истории с Бредау Ланчинский, не доверяя Мариамскому, отстранил его от дел, а сам Мариамский, женившись в Вене, тяжело заболел, наделал долгов, из-за чего Ланчинский уже хотел его посадить под арест. Видя, что выхода нет, как нет и денег, и поддержки начальника, Мариамский, по его словам, решил сбежать, оставив жену и детей.

Он скрылся в доме своей матери в Венгрии, однако, не имея там средств, уехал в Польшу, где, меняя имена, работал на разных шляхтичей. В Варшаве Мариамский познакомился с французским резидентом Л.-А. Дюперроном де Кастера, которому представился как финляндец Розенталь, ушедший с российской службы, где он был

офицером. Кастера пригласил его работать у себя переводчиком с русского и польского языков за 800 ливров в год.

Помимо прочего, Кастера говорил Мариамскому, что в России теперь не осталось ни одного знающего генерала, кроме Ливена, которого, впрочем, в России не ценят, и что сейчас самое время русскую «гордыню и силу уменьшить», но не понимающие этого турки и шведы спят при таком удобном случае. Мариамский ответил, что Россия не так слаба и, если нужно, любой хороший офицер способен при случае заменить генерала. Кастера, согласившись с тем, что Россия многолюдна и сильна, сказал, что «российские солдаты, когда генерала доброго не имеют, такие трусы, каковых и в Польше не найдёшь». Кастера высказал своё намерение каким-нибудь путём вытащить из Сибири во Францию сосланного туда Миниха, но признал сложность такой задачи.

Во время пребывания Мариамского-Розенталя в Варшаве с ним встречался и один греческий архимандрит, знакомый князя Рудольфа Кантакузена, ранее служившего в австрийской армии, и предложил ему вместе с другим офицером, Карлом Линтеном, перейти на службу к князю, так как тот намерен вернуться на родину, в Валахию, и ему нужны офицеры. Карл Линтен, по словам Мариамского, был военным инженером, ранее служившим в российской армии.

Рудольф (Раду) Кантакузен был старшим сыном вассального от турок валашского князя Штефана Кантакузена, казнённого султаном за измену в 1716 г. (он передавал австрийцам сведения о перемещениях турецкой армии во время войны турок с австрийцами). Жена и дети Кантакузена стали изгнанниками.

Рудольф Кантакузен служил в австрийской армии, участвовал в войне с турками, командуя полком сербских гусар, при правлении Марии Терезии получил генеральский чин, но был обвинён в плохом управлении и отставлен от службы. Оказавшись не у дел, он уехал в Силезию, затем в Польшу. Младший брат Рудольфа, Константин Кантакузен, служил в русской армии, получил чин генерал-майора, но покинул службу и в сентябре 1744 г. появился с семьёй в Вене. В 1746 г. К. Кантакузен запросил увольнительную из русской армии, но не успел её получить, так как был арестован по обвинению в антиавстрийском заговоре. По результатам австрийского расследования выяснилось, что князь Константин предложил туркам поднять восстание австрийских сербов, испытывавших притеснения во владениях австрийской государыни Марии Терезии, и привести их под власть султана в обмен на наделение их широкой религиозной автономией в Турции и правом выбора собственного князя, на место которого Константин метил сам. Другим вариантом К. Кантакузена было желание получить княжение в Валахии²².

Константин Кантакузен в итоге был приговорён к пожизненному заключению, и только в 1781 г., фактически прямо перед смертью, вышел на свободу.

Людовик Ланчинский, российский посланник в Вене, комментируя следствие над Кантакузеном, тогда же сообщил, что в его деле большую роль играл его старший брат Рудольф, покинувший австрийские владения. 9 мая следующего, 1747 г. Ланчинский снова упомянул Рудольфа Кантакузена, назвав его тем, кто виновен в антиавстрийских замыслах больше своего брата²³.

Именно Рудольфу Кантакузену греческий архимандрит и предложил Мариамскому служить, и тот ответил согласием. Мариамский получил письменное предложение князя приехать к нему в Краков. Кастера, узнав о поездке Мариамского, посоветовал ему заехать по дороге через Решов (Жезув) к находившемуся там французскому маршалу графу У.Ф.В. фон Лёвендалю.

Мариамский так и поступил, его принял Лёвендаль, который, зная, что его собеседник – член одной с ним масонской ложи, предложил ему дать письменную масонскую присягу о переходе на службу французскому королю. Мариамский, подписавшись именем Розенталя, дал такую присягу.

После присяги Лёвендаль сказал Мариамскому, что он отправляет его в Малороссию с секретными письмами, и успокоил его, что, если он переменит одежду, его как дезертира всё равно никто не признает и ему ничего не грозит. Миссия его будет заключаться только в передаче писем и получении ответа, который нужно будет доставить французскому резиденту в Варшаве де Кастера. После этого Мариамский будет свободен выбирать, поехать ли в Париж для того, чтобы поступить на королевскую военную службу (Лёвендаль предлагал ему офицерскую должность и лучшую роту в своём полку) или пойти служить князю Кантакузену – Лёвендаль уверил, что и эта служба будет в интересах Франции.

После благодарностей Мариамский поинтересовался, что же ему нужно сделать и чего опасаться. Лёвендаль стал говорить о братьях Разумовских, о тех милостях, которыми их осыпала императрица Елизавета Петровна, и добавил, что они сами должны знать, что с ними станет после её кончины – ибо они простые мужики и их ждёт кнут, ссылка или казнь. Чтобы избежать этого, они могут навеки быть счастливыми, сделав правильный выбор.

Из этого Мариамский заключил, что его посылают к украинскому гетману Кириллу Разумовскому. Лёвендаль, подарив серебряную табакерку, отпустил Мариамского ехать к Кантакузену, предложив называться у него не Розенталем, а Линтеном, и не подавать вида, что он знает русский язык и служил в России.

П.А. Мацюта, не найдя в биографиях Лёвендаля сведений о миссии маршала в указанные годы

в Польше, предположил, что, возможно, с Мариамским разговаривал самозванец²⁴. Однако письма Фридриха II подтверждают то, что примерно в это же время маршал Лёвендаля находился рядом, в Саксонии. 13 февраля 1751 г. Фридрих II в письме своему посланнику в Дрездене Хансу Дитриху фон Мальцану одобрил его действия, когда тот, отвечая маршалу Лёвендалю на вопрос о том, сможет ли он в апреле застать прусского короля в Потсдаме или Берлине, ответил, что он уведомит о таком намерении Фридриха II²⁵.

У Кантакузена Мариамский познакомился с двумя другими офицерами, также прошедшими масонскую присягу у Лёвендаля. В Кракове Мариамский узнал, что Кантакузен отправил письмо в Стамбул со своими предложениями Порте. Предложения заключались в следующем: Порта признает его в княжеском достоинстве и закрепляет за ним и его наследниками правление в Валахии, а Кантакузен в срок в два года предоставляет туркам 20-тысячную армию со многими артиллерийскими и инженерными офицерами; приводит под турецкую власть населённые сербами австрийские Славонию и Банат, а также Черногорию; укрепляет валашскую границу со стороны России, а в случае русско-турецкой войны совершает диверсию против неё. Кантакузен уверял, что Франция и Пруссия готовы гарантировать его обещания. Мариамский со своей стороны подтверждал участие французской дипломатии в этом предприятии, которая поддерживала князя и субсидировала его, кроме того, инженеров и артиллеристов в корпус Кантакузена, если он будет сформирован, доставить тоже должны были французы и пруссаки. Порта, по данным Мариамского, согласилась на предложения Рудольфа Кантакузена.

Относительно сербов в Славонии и Банате Кантакузен писал Порте, что этот вольный народ, имеющий свои привилегии, лишен своей вольности уже давно, а теперь, под властью Марии Терезии, совершенно угнетён и с радостью перейдёт под власть султана, если получит подтверждение своих привилегий и разрешение избрания своего князя. Черногорцы же, по мысли Кантакузена, увидев своих собратьев и их новые привилегии, сами склонятся под власть турок. Мариамский больше не имел никаких сведений о том, поддерживает ли кто в самой Сербии эти планы.

Можно отметить, что глава австрийских сербов, патриарх Арсений Йованович Шакабента, допрошенный австрийцами по делу первого инициатора таких планов, брата Рудольфа, Константина Кантакузена, расценивал его надежды, о которых князь рассказал ему, как химеру, считая, что турки никогда не согласятся предоставить сербам столь широкие права, и заявил об этом К. Кантакузену²⁶. В целом же предложения князя Рудольфа относительно австрийских сербов явно копировали предложения его младшего брата.

Судя по упомянутым выше реляциям Ланчинского, это К. Кантакузен просто следовал в русле идей Рудольфа.

Относительно намерений Р. Кантакузена усилить укрепления на границе со стороны России и возможности диверсии на этой границе в случае войны с турками Мариамский показал, что у князя была карта российских укреплений, которую он получил от маршала Лёвендаля, из чего Мариамский разумно заключил, что сама идея относительно нападений на русскую границу французам и принадлежит. При этом французской же идеей он назвал планы в случае войны поднять против России запорожцев и малороссиян, предложив им аналогичные сербским вольности в составе Османской империи.

Показания Мариамского об интригах Лёвендаля и Р. Кантакузена тогда же были переданы австрийскому представителю в Петербурге²⁷.

Через год, 2 ноября 1752 г., состоялся доклад канцлера и вице-канцлера Елизавете Петровне. Среди прочих вопросов они сообщили, что некий капитан Гаудринг арестован в курляндской Митаве и доставлен в Ригу, так как Мариамский сообщил, что он встречался с ним у Лёвендаля в Польше. Будучи доставлен в Петербург, Гаудринг не был признан Мариамским. Однако из-за того, что на допросах в Риге капитана вынужденно посвятили в секретные дела относительно Франции, Пруссии и Турции и отпускать Гаудринга обратно за границу было опасно, было решено попытаться уговорить его перейти в российскую службу. Это удалось сделать, капитан перешёл на службу Елизавете Петровне, и сама императрица повелела выдать ему 400 рублей взамен того экипажа, который был с ним при аресте и остался в Курляндии²⁸.

Тогда же решила судьба самого Мариамского. После допросов, с выписками из которых была ознакомлена императрица, смысла держать его далее под стражей не было, и Елизавета Петровна согласилась с предложением канцлера Бестужева-Рюмина и вице-канцлера Воронцова отправить его переводчиком в Оренбург, под надзор губернатора И.И. Неплюева, которому было «велено ево никуда не отпускать» и назначить ему жалование по доходам губернии²⁹.

16 марта 1754 г. «дело Мариамского» окончательно завершилось. В этот день канцлер и вице-канцлер докладывали Елизавете о том, что в Петербург из Вены прибыла жена Мариамского Терезия (судя по имени, католичка) с малолетним сыном и подала прошение принять православие и воссоединиться с мужем в Оренбурге, она просила после крещения в православие выдать ей на дорогу 200 или 300 рублей, и императрица одобрила такое решение и распорядилась выдать супруге авантюриста-переводчика 300 рублей³⁰.

Показания Мариамского вызвали секретную экспедицию двух российских офицеров, обер-

квартирмейстера Иоганна (Ивана Ивановича) Веймарна и секунд-майора Иоганна (Ивана Ивановича) Шпрингера в Польшу для внедрения в окружение князя Кантакузена и французских эмиссаров.

14 марта 1752 г. офицеры-немцы получили увольнительные из русской армии, но отдельной распиской подтвердили, что они по-прежнему служат российской государыне и обязуются хранить это в строжайшем секрете. Канцлер Бестужев-Рюмин устно сообщил им о попытках Кантакузена и французских эмиссаров отправить своих людей в Малороссию и Лифляндию (в примечании к этим строкам Бестужев-Рюмин отметил, что не сообщал офицерам о том, что эти агенты должны были быть посланы, скорее всего, к украинскому гетману с целью отколоть Малороссию от России, следовательно, императорское достоинство и самодержавная власть Елизаветы Петровны требуют ввести уравнение провинции в правах со всеми остальными территориями России, чтобы избежать впредь подобных вариантов развития событий³¹).

Веймарн и Шпрингер должны были отправиться в Прибалтику под видом иностранцев, уволившихся из русской службы, и везде выказывать обиды на своё российское начальство и желание найти себе новую службу (но не прусскую, из которой потом можно и не получить увольнение). Ехать они должны были порознь, минимум начиная с российской Риги, и отправиться в Польшу – один в Гданьск, а затем в Варшаву, к французскому резиденту Кастера, а второй – в Краков к князю Кантакузену. Второй офицер при этом должен был, не вызывая подозрений, обратиться в Митаве к российскому резиденту камергеру Эрнсту Иоганну Бутлеру и попросить его рекомендаций для устройства на службу к какому-нибудь из известных ему польских магнатов, надеясь, что он даст рекомендации своему сыну, находящемуся у Кантакузена. Первый, отправляемый в Гданьск, должен был познакомиться в городе с французскими сторонниками и предстать перед ними специалистом по русской армии, хорошо узнавшим её и Россию в целом, а также в совершенстве выучившим русский язык во время службы там, стараясь тем самым, чтобы их собеседники сообщили о полезном человеке французскому резиденту Кастера или маршалу Лёвендалю. Несмотря на выдаваемые им крупные суммы на эту миссию от российской казны, Веймарн и Шпрингер должны были разыгрывать из себя очень бедных людей и готовых к любой службе. Войдя в доверие к тем, к кому офицеры посылались, им не следовало сразу уезжать, а попытаться стать их курьером в Турцию или Малороссию и получить от них какие-нибудь письма и бумаги. Только тогда уже они могли возвращаться в Россию со всеми предосторожностями. В бытность в Варшаве

эмиссарам запрещалось встречаться с русскими дипломатами, чтобы не вызвать никаких подозрений. Если же офицеры узнают какие-нибудь срочные сведения, необходимые к скорейшей отправке в России, им следовало под каким-нибудь предлогом отправиться в саксонский Дрезден и тайно передать их российскому посланнику Г. Гроссу, к которому, в бытность его в Варшаве во время приезда с королевским двором (саксонский курфюрст одновременно был польским королём под именем Августа III, и российский посланник при его дворе находился в Дрездене) можно обратиться только в самом крайнем случае.

Между собой офицеры должны были поддерживать переписку, сообщая друг другу важнейшие и нужные другому сведения путем отправки малозначащих писем, на полях или пустом месте которых им следовало писать секретные дела луковым соком, настоянной на квасцах водой или коровьим молоком, чтобы потом нагреванием бумаги адресат мог прочесть написанное. Но даже в тайном письме им нельзя было называть никого по именам.

Аналогичным образом, с помощью тайных чернил и не прямых намёков в тайных письменах, офицеры могли писать в Россию на имя купца Иберкампфа. Это, по словам инструкции, не вызовет ничьих подозрений, так как у этого купца постоянно останавливаются все приезжающие в Россию офицеры и у него же оставляют свои вещи. Бестужев-Рюмин добавлял в комментарии для Елизаветы Петровны, что купец эти письма не получит, так как почт-директор будет сразу же доставлять их к канцлеру³².

В «Архиве князя Воронцова» находится и отрывок донесения Веймарна о своей миссии у князя Кантакузена. Обер-квартирмейстер последовал всем советам канцлера Бестужева-Рюмина и получил рекомендации от российского резидента в Митаве Бутлера к своему сыну. 3 августа 1752 г. он познакомился с ближайшим соратником князя Кантакузена Бенедиктом Бутлером, и тот предложил ему нанести визит князю. Через несколько дней Бутлер представил Веймарна князю, и тот первым же вопросом поинтересовался, знал ли Веймарн российского майора Мариамского, а также поручика Линдена (упомянутого Мариамским в своих показаниях как Линтен), описав их внешне. Российский шпион честно ответил, что ни по имени, ни по описанию он таких людей не встречал, и Бутлер с Кантакузенем сказали ему, что это понятно, так как оба этих человека – плуты и бродяги. Кантакузен добавил, что это не простые плуты, а специально подсланные к нему российские шпионы, и хорошо, что он, подзревая это, им не открылся. Вскоре Веймарн выяснил, что свои предложения о привлечении австрийских сербов в турецкое подданство Кантакузен, вопреки показаниям Мариамского, в Турцию ещё не отправлял, и желал бы взять на

службу Веймарна, чтобы он исполнил эту комиссию. После ряда проверок Кантакузен решил доверить свои планы Веймарну и отправить его в Турцию, предлагая выучить наизусть его письмо, чтобы оно не было никем перехвачено. Зная, что в России ждут именно бумаг, Веймарн всё же уговорил не только написать ему рекомендации с личной печатью князя, но и записать предложения туркам луковым соком в его записную книжку, а он соломенным углем напишет поверх разные посторонние записи. Дополнительно Веймарн узнал, что Кантакузен действительно получает деньги из Франции, которые ему присылают раз в год на имя Бутлера в Бреславль. В итоге отправка Веймарна в Стамбул отменилась, но причины этого неизвестны, так как рапорт Веймарна, хранившийся в бумагах М.И. Воронцова, на этом обрывается, его последней датой является 9 июля 1753 г.³³

Рапорт Шпрингера, отправившегося в Варшаву к французскому резиденту Кастера, неизвестен. Как раз во время миссий Шпрингера и Веймарна резидент Луи-Адриан Дюперрон де Кастера, известный также как писатель и литератор-переводчик, скончался в Варшаве в возрасте 47 лет.

Интересный факт относительно смерти французского резидента в Варшаве находится в книге русского дореволюционного эмигранта А.И. Тургенева. Он, ссылаясь на «Историю Семилетней войны» Фридриха II, передаёт слова короля, который, в самом начале войны захватив саксонскую столицу Дрезден и местные архивы, нашёл в них письмо, в котором российский канцлер Бестужев-Рюмин советовал саксонскому первому министру графу Г. фон Брюлю «избавиться с помощью яда от русского резидента в Варшаве, которым оба министра были одинаково недовольны; он приводит в пример то, как сам обошёлся с г-ном де Кастера, внушавшим опасения своим тонким и пронизательным умом»³⁴.

Однако неизвестно, откуда А.И. Тургенев взял эту цитату (он не даёт ссылок на издание и страницу), так как даже в собрании сочинений Фридриха II, изданном через два года после смерти короля, таких строк в «Истории Семилетней войны» нет, как нет их и в наиболее близком по времени к работе Тургенева издании 1830 г.³⁵

Русский шпион Веймарн, сообщая о том, что узнал о смерти резидента Кастера от Кантакузена и Бутлера, не упоминает никаких их подозрений в насильственной смерти француза, и до сего времени об этом не говорится в исторических работах.

Можно отметить, насколько масштабные последствия (вплоть до предложений канцлера императрице изменить административное устройство страны) имел для российских властей столь незначительный эпизод, как бегство из-за долгов одного бедного посольского студента, вдруг ставшего известным и самым влиятельным

монархам Европы (Елизавете Петровне, Фридриху II и Марии Терезии).

Мариамский в какой-то степени даже стал антипримером. И ранее бывали случаи, когда канцеляристы сбегали из российских миссий, но такого, чтобы вокруг него постоянно оказывались шпионы враждебных держав, ещё не было. 6 декабря 1754 г. в российские миссии за границей был отправлен циркулярный рескрипт об исчезновении из Петербурга Д.В. Волкова, секретаря самого канцлера, и тоже из-за больших долгов. Носителя важнейших государственных секретов, Волкова искали по всей стране и вынуждены были дать знать об этом и дипломатам в случае, если он уже успел бежать за границу. Касаясь обоснованных подозрений в злом умысле Волкова, рескрипт сообщал, что он, вероятно, в пример себе взял студента Мариамского, бежавшего из Вены от Ланчинского, оставившего жену и детей, «который хотя для открытия секретов к французскому маршалу Левендалю и к французскому резиденту в Варшаве адресовался, но от первого за то только десять червонных в серебряной табакерке получил, потому что беглецам нигде не верят, которые точию лжи вымышляют и тем деньги выманивают»³⁶. Отметим, насколько точно автор рескрипта, точнее, сам канцлер Бестужев-Рюмин, охарактеризовал отношение к Мариамскому прусского короля Фридриха II, не зная о его письмах к своему дипломату в Вене.

С Волковым всё обошлось, он быстро нашёлся в своём подмосковном владении, наказания не понёс и в 1756 г. был назначен секретарём Конференции при Высочайшем дворе, главного совещательного органа Российской империи по вопросам войны с Пруссией, вошедшей в историю как Семилетняя война (1756-1763 гг.). После восшествия на престол Петра III Волков стал его личным секретарём.

«Дело Мариамского» прежде всего свидетельствует о попытках прусской разведки завербовать служащего российской дипломатической миссии. Пруссаки в это же время имели и удачные примеры – например, в 1752 г. ими в Дрездене был завербован Фридрих Вильгельм Менцель, тайный секретарь саксонского кабинета, поставивший прусскому посланнику в саксонской столице всю интересующую его тайную дипломатическую переписку Дрездена с Веной и Петербургом. Менцель будет разоблачён только в 1757 г., уже после начала Семилетней войны, которой он много способствовал своей деятельностью, и просидит в тюрьмах почти 40 лет, до своей смерти в 1796 г.

Мариамский не стал Менцелем, даже постоянно притягивая к себе внимание разнообразных шпионов, даже нуждаясь в деньгах, он всё же рассказал российским властям о двух попытках его завербовать. Кроме того, серб, вероятно, всё же опасался совершить предательство и предпочитал скрывать правду ото всех, но не очень умело,

что и вызвало недоверие к нему самого Фридриха II, а затем и князя Кантакузена, который Мариамскому, в отличие от Веймарна (в пользу которого сыграла, впрочем, и тщательно подготовленная в Петербурге канцлером Бестужевым-Рюминым легенда), не сказал всей правды. Характерно, что и российской разведке Мариамский ничего особенного не дал – по его следам пришлось посылать более подготовленных людей.

Можно отметить, что в принятии на службу фактического самозванца, ложно выдавшего себя за уроженца Российской империи, нет вины самой Коллегии иностранных дел – авантюриста принял на службу посланник в Вене Ланчинский, во многом из-за того, что у него не было замены секретаря, прекратившего канцелярскую работу из-за несчастного случая. В дальнейшем состав русских миссий за границей был значительно расширен, например, в 1752 г. в штате той же российской миссии в Вене помимо самого посла находилось два секретаря посольства, один переводчик, один офицер посольства в чине капитана и один коллегии юнкер³⁷. Кроме того, всех необходимых миссии сотрудников стали присылать из России (то есть уже проверенных людей). Тем не менее практика взятия на месте на службу в посольство людей, знающих иностранные языки, была продолжена, например, в российской миссии в Стамбуле. Впрочем, эти люди (в основном бывшие русские пленники или невольники в Турции) уже не имели доступа к секретным бумагам, в основном занимаясь сопровождением курьеров по Турции, торжественными встречами и т.п.

После «дела Мариамского» в Петербурге внимательно следили за положением младших посольских служащих, получавших мизерное жалование, зачастую распорядившись выплачивать их долги, нажитые во время работы в заграничных миссиях, чтобы ни в коем случае не повторить обстоятельства побега Мариамского. Например, упоминавшийся выше студент Петербургской Академии наук Прокофий Шишкарёв (однокашник М.В. Ломоносова по учёбе в Академии, отправленный к Ланчинскому в Вену в июне 1745 г. для обучения немецкому и французскому языкам³⁸), работавший в Вене вместе с Мариамским и переведённый к российскому посланнику Г. Гроссу в Париж в сентябре 1746 г. для продолжения учёбы и канцелярской работы, к началу 1749 г. тоже наделал долгов и не мог расплатиться. Гросса перевели из Парижа в Берлин, вместе с ним уехал и Шишкарёв. Гроссу 23 марта 1749 г. было велено выплатить кредиторам долги студента, затраченную на это сумму ему обещали выплатить из государственных средств, которые, в свою очередь, должны были компенсироваться за счёт вычетов из жалования Шишкарёва³⁹. Особо отмечалось, что студент был посвящён в секреты российского дипломатического шифра – естественно, нельзя было сделать из него второго Ма-

риамского, на просьбу помочь в выплате долгов которого Петербург ранее не обратил внимания. Работа за границей для П. Шишкарёва на этом закончилась – он был переведен в Петербург переводчиком в Коллегию иностранных дел.

После дела Мариамского и к проштрафившимся по другим поводам служащим российских дипломатических миссий относились подчёркнуто мягко, стремясь сделать так, что те сами просили перевода в Россию, где их ждали обещанные им более выгодные должности. Историй, подобных «делу Мариамского», в елизаветинской дипломатии уже не было, что, безусловно, способствовало сохранению русских дипломатических секретов – Фридрих II так и не узнал истинных намерений официального Петербурга и ошибся в переоценке английского влияния при русском дворе, что, по его же собственным словам, стало одной из основных причин подписания им Вестминстерского договора с Лондоном⁴⁰, давшего начало Дипломатической революции 1756 г., повлекшей за собой Семилетнюю войну 1756-1763 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Мацюта П.А.* Эпизод из истории контрразведки елизаветинской России на примере «Дела Мариамского» // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2013. №5. С.109.
- ² О студенте Мариамском // *Архив князя Воронцова.* Кн.4. М., 1872. С.23-35.
- ³ *Politische Correspondenz Friedrichs des Großen,* 46 Bd. Berlin, Leipzig. 1879-1939.
- ⁴ *Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).* Ф.32, Сношения России с Австрией. 1745 г. Д.4. Л.324об.-325.
- ⁵ Там же. 1746 г. Д.3. Л.10.
- ⁶ Там же. 1747 г. Д.5. Л.179об.
- ⁷ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч.1. М., 1894. С.66.
- ⁸ *Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).* Ф.32, Сношения России с Австрией. 1747 г. Д.5. Л.180об.
- ⁹ *Politische Correspondenz...* Bd.5. Berlin, 1880. S.252.
- ¹⁰ *Ibid.* S.256-257.
- ¹¹ *Ibid.* S.404.
- ¹² *АВПРИ.* Ф.32, Сношения России с Австрией. 1747 г. Д.5. Л.217об.-218.
- ¹³ *Politische Correspondenz...* Bd.5. Berlin, 1880. S.431.
- ¹⁴ *Ibid.* S.438.
- ¹⁵ «Je ne vous parlerai plus du nommé Marianski, qui s'est assez développé pour être un fourbe fieffé». (*Politische Correspondenz...* Bd.5. Berlin, 1880. S.448).
- ¹⁶ *АВПРИ.* Ф.32, Сношения России с Австрией. 1747 г. Д.4. Л.39-40а.
- ¹⁷ Там же. 1747 г. Д.5. Л.256об.
- ¹⁸ Там же. Л.342.
- ¹⁹ *Костяшов Ю.В.* Российский посланник в Вене Людвик Ланчинский (1721-1751 гг.) // *Проблемы истории международных отношений в Новое время.* Смоленск, 2002. С.157.
- ²⁰ *АВПРИ.* Ф.79, Сношения России с Польшей. 1751 г. Д.7. Л.464; Там же. Д.7а. Л.5-16об.
- ²¹ *Пётр Смелич* // *Большая русская биографическая*

- энциклопедия [Электронный ресурс]. М.: Бизнессофт, 2006. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
- ²² АВПРИ. Ф.32, Сношения России с Австрией. 1747 г. Д.6. Л.243-259.
- ²³ Там же. 1746 г. Д.4а. Л.172об.; там же. 1747 г. Д.5. Л.119.
- ²⁴ Мацюта П.А. Эпизод из истории контрразведки... С.109.
- ²⁵ Politische Correspondenz... Bd.8. Berlin, 1882. S.268.
- ²⁶ АВПРИ. Ф.32, Сношения России с Австрией. 1746 г. Д.5. Л.238.
- ²⁷ Там же. 1751 г. Д.5. Л.235-238об.
- ²⁸ Доклады императрице Елизавете Петровне от Коллегии иностранных дел // Архив князя Воронцова. Кн.7. М., 1887. С.314, 322.
- ²⁹ Там же. С.314-315; АВПРИ. Ф.32, Сношения России с Австрией. 1745-1751 гг. Д.9. Л.1-2об.
- ³⁰ Доклады императрице Елизавете... С.343-344.
- ³¹ Секретная посылка Веймарна и Шпрингера // Архив князя Воронцова. Кн.4. М., 1872. С.38.
- ³² Там же. С.36-45.
- ³³ Доклады императрице Елизавете... С.512-522.
- ³⁴ Тургенеv А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С.172.
- ³⁵ Œuvre posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. Т. III-IV. Berlin, 1788; Œuvres historiques de Frédéric le Grand. Leipzig-Paris, 1830. Т.3-4.
- ³⁶ Бумага о побеге в чужие края Д.В. Волкова // Архив князя Воронцова. Кн.2. М., 1871. С.631.
- ³⁷ АВПРИ. Ф.79, Сношения России с Польшей. 1752 г. Д.7. Л.37об.
- ³⁸ Там же. Ф.32, Сношения России с Австрией. 1745 г. Д.3. Л.102.
- ³⁹ Там же. Ф.74, Сношения России с Пруссией. 1749 г. Д.2. Л.23.
- ⁴⁰ Œuvre posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. Т. III. Berlin, 1788. P.67-68.

«MARIAMSKY'S AFFAIR » IN RUSSIAN DIPLOMACY IN THE MIDDLE OF 18th CENTURY

© 2016 M.Yu. Anisimov

Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to an episode of Russian diplomatic history of the times of Impress Elizabeth Petrovna. The research testifies what even the least significant diplomatic employee could find himself in the epicenter of the European policy. The unsuccessful attempt of Prussian agents to recruit the junior employee of the Russian embassy in Vienna in 1747 led to the change of the staffing policy of the Russian diplomacy concerning the lower diplomatic employees. Because of «Mariamsky's affair» some confidential expeditions of Russian secret agents to Europe were organized, and Chancellor Bestuzhev-Ryumin even suggested the Impress abolishing the Ukrainian autonomy.

Keywords: Russian diplomacy, secret operations, Impress Elizabeth, Alexey Bestuzhev-Ryumin, Frederick the Great.